

В-пятых, текущие научно-исследовательские интересы учреждений, как правило, определяются непосредственным руководителем и его командой. Поэтому в истории Германских исторических институтов в Лондоне и Вашингтоне можно выделить отдельные эпохи, когда внимание сотрудников и содержание публикаций оказывалось сосредоточено на определенном периоде или аспекте германской истории [2, с. 9–21; 5, с. 10]. Вместе с тем, поскольку институты являются своеобразными хабами исторической германистики Великобритании и США, их тематическая специализация на определенных этапах дает представление об эволюции национальной историографии германских исследований. Информация об актуальных направлениях текущей научно-исследовательской работы размещена в соответствующих разделах официальных сайтов [12; 13].

Таким образом, материалы профильных научно-исследовательских центров являются ценными историографическими источниками. Они несут информацию о развитии и институционализации отдельных направлений исследований, предоставляют доступ к широкой базе тематических материалов благодаря наличию традиционных и электронных библиотек. Институты осуществляют выпуск собственных периодических изданий, в которых находят отражение современные тенденции исторической науки, а также знакомят посетителей с плеядой ученых, во многом формирующих контуры национальной историографии. Пример Германских исторических институтов в Лондоне и Вашингтоне демонстрирует, что они могут оказать неоценимую помощь исследователю при изучении англо-американской историографии истории Германии и германского вопроса.

1. About Us. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/about-us>. – Дата доступа: 12.01.2023.
2. Berghoff, H. The German Historical Institute in Washington, 1987–2012: A short history / H. Berghoff, R. Wetzell // GHI Bulletin Supplement. – 2012. – No. 8. – P. 7–31.
3. Bulletin of the German Historical Institute. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/publications/bulletin>. – Дата доступа: 12.01.2023.
4. Dickens, A. G. The German Historical Institute. A report / A. G. Dickens // Materials of GHIL. – London, 2021. – 3 p.
5. German Historical Institute. 40 year anniversary. Special edition. – London : GHIL, 2016. – 35 p.
6. GHI Stuff. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/team>. – Дата доступа: 12.01.2023.
7. GHIL Bulletin. The German Historical Institute London (GHIL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/publications/bulletin>. – Date of access: 12.01.2023.
8. GHIL Library. The German Historical Institute London (GHIL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/library/about-the-library>. – Date of access: 12.01.2023.
9. Library. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/library>. – Дата доступа: 21.01.2022.
10. Mission Statement. The German Historical Institute London (GHIL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/home/mission-statement>. – Дата доступа: 12.01.2023.
11. Our Team. The German Historical Institute London (GHIL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/team/our-team>. – Дата доступа: 12.01.2023.
12. Research. The German Historical Institute London (GHIL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/research/our-research>. – Дата доступа: 18.02.2023.
13. Research. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/research>. – Дата доступа: 18.02.2023.

Долгов В.В.

«НЕВРЮЕВА РАТЬ» В ИЗЛОЖЕНИИ В.Н. ТАТИЩЕВА И М.М. ЩЕРБАТОВА¹

Древнерусская книжная традиция создала грандиозную систему исторических нарративов, которая последовательно развивалась на протяжении нескольких столетий. Однако в XVIII веке произошел культурный, а значит и мировоззренческий перелом, в результате которого древнерусский период развития истории как сферы своеобразного «умного делания» завершился. Наступила новая эпоха – эпоха научного поиска, эпоха аналитической работы, в которой приняты были совсем иные способы обработки материала и преследовались иные цели. Переход произошел довольно быстро, но для его осуществления потребовались серьезные интеллектуальные усилия. Первичная перекодировка летописной и агиографической информации в новые формы была осуществлена видными историками XVIII века, среди которых важнейшее место принадлежит В.Н. Татищеву и князю М.М. Щербатову. Фактически именно они стали первопроходцами исторических исследований в России, они заложили основы национальной истории, именно на их долю пришлась основная роль в разработке и практической обкатке новых методов научной работы. На этом пути первых историков Нового времени поджидало немало трудностей. Обстоятельства их преодоления представляют

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта по теме: «Создание и подготовка к изданию научной биографии Александра Невского: государственного деятеля и полководца» проект №1/2022.

серьезный историографический интерес. В настоящей статье исследовательская лаборатория классиков «осмнадцатого» века рассматривается на примере их работы с летописными свидетельствами о «Неврюевой рати».

Первым обратился к разбору летописных сведений о «Неврюевой рати» В.Н. Татищев. Основой для его труда в рамках этого периода была Никоновская летопись. Однако его собственный текст содержит уникальные данные, которых в летописи нет. Если «татищевские известия» о событиях ранней русской истории могли иметь (хотя бы теоретически и гипотетически) источником какие-то неизвестные летописи, то в данном случае предполагать такое положение вещей оснований нет. Откуда же они взялись?

«Татищевское известие» в данном случае состоит из двух частей [1, с. 40].

Первая часть заключает в себе рассказ о том, что Александр возмутился поступком Михаила Хоробрита, который согнал с престола их дядю Святослава. А возмутившись, явился во Владимир и устроил с Михаилом «прю». Договориться между собой на месте братья не смогли, и решили перенесли спор в Орду. В Орду они зачем-то прихватили с собой еще и Андрея. Там ханское решение было таково: дать Александру Киевское княжение и «всю землю просто Рускую», а Андрею – почему-то решено было дать неведомо откуда взявшееся «Белорусское» княжение.

А что же Михаил? Михаил из текста бесследно исчезает.

Вторая часть содержит непосредственно указание на факт жалобы Александра на Андрея (хотя, исходя из логики первой части, жаловаться он должен бы на Михаила).

С этой второй частью известия все более или менее понятно, если сопоставить текст Никоновской летописи и «Истории» Татищева. При сравнении явно видна «объясняющая» вставка. Она имеет основой вполне понятный мыслительный прием, когда последовательность событий трактуется как проявление их причинно-следственной связи. А вот с первой частью все несколько сложнее. В данном случае, татищевский текст от летописного отличается весьма существенно. Выделить в нем ясно читаемую вставку нельзя. При этом отличий от Никоновской летописи «на единицу текста» в этом пассаже много. Это и спор Александра с Михаилом, и поездка Михаила в компании братьев в Орду, и получение Андреем какого-то «Белорусского» княжения. Можно бы предполагать, что Татищев использовал при написании этого фрагмента какой-то дополнительный источник информации, если бы не критическая внутренняя несогласованность сведений. Количество логических несообразностей в этом татищевском фрагменте по плотности еще выше, чем количество «новин».

Во-первых, по Татищеву получалось, что Александр поехал в Орду именно из-за спора с Михаилом, а не с Андреем, но именно Михаил-то в финальном ханском решении никак не указан. Во-вторых, Михаил не встречается и далее в тексте Татищева, что неудивительно: в 1248 году он погиб во время литовского похода, поэтому в принципе не мог принимать участие ни в поездке в Орду, ни в распределении столов. Картину общей путаницы венчает необъяснимое и никак не связанное с контекстом «Белорусское» княжение, которое, как и Михаил, более в описании текущих событий не участвует.

Из этого можно предполагать, что при изложении сюжета о поездке в Орду Татищев по невнимательности многое перепутал. Причем, перепутал без какого-то дальнего прицела и смысла. По каким-то причинам произошла фундаментальная путаница в голове и тексте, которая затем не была отредактирована. Если бы историк пользовался неизвестным источником (пусть даже и содержащим путаную информацию), то, пребывая в нормальном состоянии разума и внимания, он бы непременно заметил образовавшуюся чепуху. А заметив, должен был, сообразно своему методу, как-то привести её в удобоваримый вид. То, что он этого не сделал, с необходимостью свидетельствует, что при написании этого фрагмента внимание его было, мягко говоря, рассредоточено.

Предвидя ехидные замечания коллег, считаю необходимым уточнить, что я вовсе не имею в виду, что «последний летописец» писал свою историю в пьяном или безумном состоянии. Для того чтобы допускать ляпы или делать ошибки вовсе не обязательно быть пьяным. Разнообразные варианты «искажения нарратива» весьма глубоко изучены современной наукой. Мозг – мощная машина. Однако точность его работы даже у гениального человека оставляет желать лучшего. С бесконечным количеством отклонений мозг собирает и пересобирает «истории» из застрявшего в памяти материала. Практически единственным способ минимизировать ошибки – коллегиальная работа, которая в современном научном мире обеспечивается рецензированием и апробацией. Однако именно этой возможности Татищев при работе над своей «Историей» был лишен.

Так или иначе, мы видим, что Татищевская трактовка Неврюевой рати не отличается ни последовательностью, ни общей логичностью. Она является, фактически, наполовину бессмыслицей. Тем не менее, она обрела большую популярность в отечественной и даже зарубежной исторической науке. Версия о «доносе» Александра кочует из работы в работу. Интересно, что историков явная порча текста в части рассуждений Татищева о Неврюевой рати совершенно не пугает. Даже

С.М. Соловьев, хотя и заметил её, но серьезного внимания не уделил, поскольку его увлекла вторая, «понятная» часть.

Совсем иначе трактовал причины и обстоятельства Неврюевой рати М.М. Щербатов. Приступая к её рассмотрению, историк досадует на краткость повествований «российских летописцев», которые не дают возможности судить о мотивах поступков большей части исторических персонажей. В данном случае, конечно, прежде всего, имеются в виду мотивы, побудившие князя Андрея Ярославича отказаться от требуемого визита к хану.

Щербатов исходил из того, что причиной поступка Андрея не могло стать желание сопротивляться монголо-татарской оккупации: «я по всем обстоятельствам не могу поверить, чтобы Князь Андрей мог противу Татар вооружиться, в разсуждении бессилия его и не видно, что бы он с другими Князьями о освобождении себя от ига Татарского соединялся; ибо самого сильнейшего тогда Князя в России то есть, брата его Александра Ярославича, в самое сие время видим отшедшего в Орду» [2, с. 55]. Тем не менее, при всем сомнении в освободительных намерениях Андрея, Щербатов считает, что именно подозрение в попытках создать антитатарскую коалицию и стала причиной отправки против Андрея экспедиционного карательного отряда во главе с царевичем Неврюем.

Основой для этих подозрений стал брак Андрея с дочерью «подозрительного» Даниила Романовича. В целом, конечно, это еще большой вопрос, кто из названных князей в этой паре выглядел более подозрительным, но в рамках концепции М.М. Щербатова, династическая связь Андрея с Даниилом в свете активных контактов последнего с папской курией, могла стать базой для ханского наказания.

М.М. Щербатов не спорит напрямую с концепцией В.Н. Татищева, считавшего, что Неврюева рать была результатом жалобы Александра. Возможно, она вообще не вошла в круг его внимания. Он предлагает кандидатуру другого выгодоприобретателя, и догадка его, пожалуй, выглядит вполне логичной. Щербатов исходил из того, что у Александра с ханскими милостями и так было все в порядке. Но был другой князь, давно и безуспешно бившийся за восстановление утраченного высокого статуса, – престарелый Святослав Всеволодич, последний в предыдущем генеалогическом ряду. В свое время его сверг с доставшегося ему по порядку наследования великокняжеского престола младший брат Александра и Андрея – Михаил Ярославич Хоробрит. Потом Михаил погиб в битве с литовцами, но престол не был возвращен Святославу, так бездарно его утратившему, а был передан Андрею. Понятно, это возмущало представителя старшего поколения князей. Именно у него был самый прочный мотив добиваться отстранения Андрея с владимирского великокняжеского престола. Стремясь к достижению своей цели, князь Святослав со своим сыном Дмитрием ездил в Орду к хану Сартаку. Как считается, поездка эта результатов не дала. Однако на роль «жалобщика» Святослав вполне подходит, поскольку Андрей занимал именно его престол. Конечно, это предположение немногим весомей предположения В.Н. Татищева. Однако и не менее. При этом в отличие от Татищева, Щербатов хорошо понимал гипотетичность своих построений. Он маркировал её словом «уповательно», писал так: «Такие намерения уповательно не могли укрыться от Татар, которые их от самих Российских Князей уведали, а паче мною от Святослава Всеволодича, который искав себе возвращения Владимирского престола, уповательно не оставил о таких намерениях Князя Андрея Татарам сообщить, и уважая союз его и соединение с таким Князем, который ищет защищения Папского, легко мог подозрение Татарам на Князя Андрея вложить и побудить их воевать противу его» [2, с. 65].

Предположение Щербатова имеет под собой хотя и не очень сильную, но, по крайней мере, эксплицитно выраженную аргументацию и внутреннюю логичность. Однако популярностью оно, в отличие от Татищевского, в историографии не пользуется по причинам, скорее всего, эмоционального свойства. Безусловно, версия о достигшем цели доносительстве Александра является существенно более драматичной и эффектной, чем версия о нудных и пропавших втуне домогательствах малоизвестного неспециалистам дяди. И даже ненадёжность источника, из которого эта версия проистекает, не останавливает историков от того, чтобы доверять ей в гораздо большей степени, чем скучным резонёрским рассуждениям Щербатова.

1. Татищев, В. Собрание сочинений : в 8-ми томах (5-ти книгах). – Т. 5, 6 : История Российская / В. Н. Татищев. – Москва : Ладомир, 1996. – 347 с.
2. Щербатов, М. М. История Российская от древнейших времён. – Т. III : От покорения России Татарами до великого князя Дмитрия Иоанновича Донского / М. М. Щербатов. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1774. – 326 с.